

1987 год, 17 августа — Хабаровск. Здесь 16 часов, в Москве 9 утра. Звоню Табакову из автомата. Прими, Олег, телефонограмму:

«Дурачине по причине
очень давнего восторга,
мне не спится
на границе
очень давнего восторга,
Дорогой мой Табаков,
будь здоров со всех боков!»

Вместо ответа — ужасное сообщение: умер Андрей Миронов. В Риге, на гастролях... Настоящее черное горе. Оно амортизируется дальностью расстояний, долго кажется бредом. Постепенно обрастает подробностями. В «Известиях» сказано, что Миронов умер на сцене — как Мольер. На руках ближайшего друга, Шуры Ширвиндта.

Уже в предсмертном состоянии, Андрей в «Скорой помощи» произнес монолог Фигаро — от начала и до конца, не оставшись у зрителя в долгу. Он ведь упал на сцене и не договорил монолога...

Он сразу был хороший артист. Сразу, с 58-го года, когда поступал к нам, в Щукинское училище. Авторитет его родителей был столь высок, что трудно понять, где кончалось удовольствие видеть их сына, а где начиналось лицемерие его самостоятельного обаяния.

...На щукинских вечерах, как и по всей стране, робко возрождались культура западного танца. Раскованно буйствует в «буги-роке» один Андрияша Миронов. Первокурсник легко летает, грациозен, европейский шарм подчеркнут самоиронией — словом, смахивает на тех «стиляг», которых журнал «Крокодил» еще пару лет назад «смакнул» с нашего победоносного пути. Впрочем, в одежде Андрей весьма строг, подтянут и совсем был бы похож на лорда, если бы не краснел на каждом шагу. Девичий стыд, надо признаться, делал его совсем своим, простым, неизбалованным пареньком.

...Одна из любимых педагогов обратила наше внимание на младшего щукинца: Андрей ежесекундно и всепогоднo, не для показухи, а по личному кодексу — выбрит, причёсан, при галстукe и при крахмальном воротничке... Причем не какой-нибудь полукрахмал, а тугая-претугая жесткость: ошейник аристократа...

...Стороннее наблюдение за Андреем могло даже вызвать обиду: «Не слишком ли зазнаешься, юноша?» Виноваты, конечно, и комплексы «стороннего», но и сумма внешних примет — фасонистая выправка, ошейник крахмала, пружинистое парение над толпой и небрежное скольжение речи, где запросто слагаются репризы, где много от европейской эрудиции.

Но при близком общении — все по-другому. Детская дошность в расспросах о жизни, о семье, о театре, о вкусах, о слухах, о твоем личном мнении... Умение хорошо вслушиваться и вглядываться в собеседника, а рядом — искренняя пренебрежительность к славе, «успехам». Всегда внимателен к общим встречам и событиям и очаровательно благожелателен. Даже в мрачном расположении духа — готовность отзываться на юмор, отжаться течению импровизации, словесного перепляса. И думаешь о нем: «Не слишком ли он скромен и прост для всенародного любимца?»

...На хабаровских гастролях грустно возвращаю молодому артисту Антону Табакову воспоминание о его детском признании. В минуту взрослого интервью на тему искусства спрашивал, кого после отца он считает лучшим актером. Или любимым? Ответ показался тогда пижонским забиячеством: «Я, дядь Вень, вообще никого не считаю, кроме Миронова, он для меня самый первый — Андрей Миронов — среди всех вообще!» Сокрушенно кивает Антон Олегович; так и было, так и есть.

...Начало 70-х годов — много-много счастливых вечеров в доме нашего общего друга Игоря Кваша, или в огромной мастерской на троих, (Л. Збарский, Б. Мессерер, В. Красный) на ул. Воровского... Я часто ощущал себя случайным зевакой на этих карнавалах талантов, где Андрей всегда бывал в центре как веселых, так и серьезных разговоров. К тому же он один из первых (как и сам Кваша) владел магией автомобильных терминов, что по тем временам каза-

Вениамин СМЕХОВ

РАДУГА ЛЕГЕНДЫ

лось столь же мудреной областью, как и космонавтика.

...На вечере 4 февраля 1983 года в «Современнике» Андрей со своим чудесным партнером Ширвиндтом завершали громкий праздник пятидесятилетия Игоря Кваша. Атмосфера в доме на Чистых прудах была примерно такой, какую сама Фея могла заказать Золушке к ее 50-летию. Бывает иногда в театре такое стечение обстоятельств, что полный зал разного народа живет единым дыханием, когда все как один счастливы и на всех один смех, одна печаль, одни и те же ассоциации. Слово все играют в одну игру, у всех разом «ложится карта», полная колода козырей, и все в крупном выигрыше. В картах так не бывает, а в театре бывает. И еще — в большом спорте, но это тоже театр. Всех, кто в тот вечер выходил на сцену — поздравлять, зачитывать или остричь от себя, — всем и каждому везло.

Меня, например, «несло», как Остапа Бендера с голодухи — такой прием, такой народ, такой фурор... Остапа с голодухи, а нас — от любви. Все были прекрасны — и Ахмадулина, и Окуджава, и Юрский, и Арканов, и целые коллективы, и представители с «адресами», ну и, конечно, Валентин Гафт — ведущий вечера.

Они только что отыграли булгаковского «Мольера», которого друг Миронова и поставил, и сыграл. Там в финале (как теперь оказалось) Кваша-Мольер умирал на сцене точно, «как Андрей Миронов»... Гафт в полурасстегнутом костюме Людовика был звонок, добр и щедр на комплименты как никогда. Вся труппа, сидя на сцене, была в тот вечер детски смешливой, особенно юбиляр, который задыхался от хохота и бил каблучком об пол... Так вот пиком вечера, его триумфальной развязкой был финал: Ширвиндт без единого слова играет на скрипке, бережно возлагая под щеку иссиня-чистый платок; Кваша, задержанный послушник, невольно вторит припеву, а всю песенную галиматью сухо и сурово режиссировал Миронов. Он дирижировал скрипачом и пробами сил юбиляра, куплетами-припевами и перерывами на гомерические раскаты публики... Он действительно довел до слез, истерзал Квашу, пока тот не выучил и не спел припев-гимна про себя самого. Куплет идеально исполнил Андрей, успевая по ходу глазами и телом наметнуть имениннику на скорый приход припева... Вот-вот... вступай, брат! Опять не попал... Зал грохочет, юбиляр иступленно бьет каблучком сцену, труппа изнемогает от хохота... И только двое невозмутимы, как часть неживой природы: мрачен фразный скрипач, по знаку дирижера снова бросающий подбородок на плечо, и адски серьезен Андрей в своем просветительском рвении — научить Квашу спеть посвященный ему гимн. При всем том он ухитряется остаться самим собой — изысканным, пластичным, как циркач, и обаятельным, как Миронов!..

...В тот же год, весной, я летал дважды в Ялту, к моему товарищу Александру Митте на съемки его фильма. Как часто бывает у нас, я дал себя оморочить клятвами типа

«картина погибнет, если ты не сыграешь эту роль», «роль гениальная, хотя в сценарии ее почти нет, она небольшая, но от таких ролей мастера не отка...», «только ты один на белом свете вытнешь этот эпизод, только ты один, не считая, может, Марлона Брандо, да и он не вытнет»... — словом, выворачиваешься в театре, но летишь, дабы спасти судьбу шедевра СССР и Каннского фестиваля... Все это — из области суеты. Андрей бы сказал: виновата суета, а не данная Митта... Так съемки «Сказки странствий» и мое мелюзерное участие дали возможность наблюдать «младшекурсника» в работе.

В дневнике я записал, что Андрей неумолимо послушен мучителю Александру Наумовичу. На площадке почти не заметен стаж его популярности, он умеет беречь в себе стартовое, дебютное самочувствие. Любит в себе ученика. Это не всегда удается, но чаще с удовольствием замечаю исполнительское достоинство и моментальную отзывчивость в репетициях перед съемкой. А уж когда объявлен «мотор» — тут у Андрея точность без изъяна. Ни на долю секунды опоздания, ни на полвершка вправо, ни на полтона ниже — ни в чем не отступит от приказа режиссера. Он впервые у Митты, он привык к другому режиму, его природа пропитана духом импровизации, но он послушен. В этом — достоинство профессии. В перерыве спасается в зыбкой тени декораций. Далеко внизу режет своим блеском наши усталые глаза Черное море. Очень жарко, мы оба раздражены, каждый по-своему; однако новости театра и жизни, общие темы и друзья — все это приводит нервы в штитовое состояние. Потом индейцами с гор сваливаются дети и парочка отдыхающих дамочек, и Андрей раздает автографы. В его глазах — привычная вежливая тоска. Наш разговор развалился, и теперь мы дружно спрягаем и склоняем режиссера, которому пальцем солнце не мешает носиться, ругаться без отдыха и тени. А вечера прекрасны. Ужины в гостинице «Ялта», споры и сговоры в пользу завтрашней смены... Рассказу Андрея о параллельной съемке в Ленинграде я не придал того значения, которое имеют теперь в моей душе и его роль, и весь фильм Алексея Германа об Иване Лапшине...

Самый памятный день — 16 июля. Рано «отстрелялись», навестили в Мисхоре дочку Андрея, Машеньку, и там же, двумя террасами выше, над морем, расположились на даче Вадима Туманова. Андрей очарован уютным миром дома и сада, и кухни с банькой, а перед телевизором в гостиной, направив на себя модный вентилятор, замирает в блаженстве: «Я отменяю съемки, передай своему Митте. Я всю жизнь искал эту точку на планете. Мечта идиота: покой, изоляция, диван и телевизор с вентилятором. Я счастлив, а ты?» Весь вечер, что мы просидели под виноградными плетениями, уничтожая плоды гостеприимства хозяев дома, кажется одним из самых счастливых, добрых в жизни. У меня сошлось в одну чашу радости: начало отпуска в театре, канун дня рождения жены, дорогой мне мир Владимира Высоцкого (он дружил с Тумановым), любимый Крым, принудительно отдыхающий

Митта... И, разумеется, особую неподнятость настроения я отношу к факту присутствия Андрея.

Мне в нашем знакомстве было дорого все, что нас соединяло, и все, что не соответствовало мироновскому клише «кумира», «кинозвезды». На этот вечер 16 июля ласковый ангел Тавриды (выразимся высокопарно) подарил мне замечательного человека Андриюшу Миронова. Такого, каким он был, видимо, для своих друзей. Добавлю на основании единичного опыта: для счастливых.

...В последнем разговоре, в мае 87-го года, возле служебного входа в его театр, мы говорили о новостях. Андрей, мне кажется, всегда охотно переключался на волну собеседника... В моем случае назовем это даже «идеальной волной». Назначение Николая Губенко на Таганку. «Самобийца» Эрдмана в Сатире, новые «роли»-посты наших учителей Ульянова и Этуша. Что будет, что есть и что было... И я назвал лучшие для меня, зрителя, работы Андрея в театре. Более всего — Жадов в «Доходном месте», постановка Марка Захарова. Граждански чистая, человечески отважная, профессионально подробная и очень темпераментная работа. Жадов — из шедевров актерского искусства. Под занавес шестидесятых годов спектакль был храбро запрещен, и с ним вместе едва не лишилась продолжения, быть может, важная грань таланта артиста.

...В ту же Ригу, где теперь случилось несчастье, два года назад мы ехали втроем, и очень весело... Я морочил ему голову борьбой с никотином, он за это смешил мою жену разоблачительными этюдами на тему моей занудной идейности еще с инстинктивной скамьи, а в тамбуре мы совершали перекур и печальный обмен тогдашними новостями в обоих театрах. А в купе продолжались веселые речи и шаржи... Июльский вечер в Крыму, как водится, был детально и гиперболически помнят добром и хохотом. Андрей уморил нас изображением бедного Саши Митты, которого и в глаза, и за глаза объявлял «падучим» советским режиссером: за истерическое обаяние, панику в работе, презрение к отдыху и, конечно, за обморок в баньке, до которого довел себя сознательно, которым гордился, а нас весь вечер презирал за невежество в теории банных обмороков...

В Риге Андрея почему-то не встретили, отчего мой брат и друг получили приятный шанс «комфортно» артиста транспортом и завтраком в отеле «Латвия». Через пару дней мы, как договорились, наведались к Андрею в санаторий «Яункемери». Мама Мария Владимировна возмущенно пересказала дикий режим «отдыха» ее сына и доказала, что «звезды» ее поколения были не такие доступные и разбросанные психопаты, как эти «звезды»-дети... Я в ответ утешил ее рассказом о собственной дочери. Начало 70-х годов, поселок на Пахре под Москвой. Я гуляю с дочкой-пятилеткой, егюзой и худышкой. Остановка на аллее. Папа увлекся беседой с чужими тетей-дядей. Дочь рвется из рук. Папа крепко ее держит, не уставая смеяться и снова говорить о Таганке, о Сатире, об Эрдмане и Утесове, об эстраде и о каком-то Хазанове, выступавшем в Кремле у кого-то на семидесятилетии... Дочь уже изнемогает, скулит и тащит отца в дом, к обеду. Папа извиняется, прощается с незнакомцами и в заключение шлет привет их сыну Андриюше... Через пару шагов она замерла от разгадки: «Какой-какой Андрей? Миронов? Это, что ли, мама Андрея Миронова?! И папа?!» И восторг, и отчаяние, и срочный порыв в их сторону — разглядеть чудачков, которых кумир награждал правом его родить... И, конечно, я в результате получил первый выговор от малышки: «Как тебе не стыдно! Ты же знал и не сказал, что это Андрея Миронова мама! Что мне теперь делать?» Думаю, назавтра в детсадике она сообразила, что делать, и юные коллеги моей дочери получили яркую картину ее встречи с Его родителями...

Так замкнулось время: вчера глядеть на сына мешало очарование родительской славы, сегодня наши дети с обожанием и завистью взирают на тех, кто «лично знаком» с Андреем Мироновым...

Сомкнулась радуга фамильной легенды.